

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 1(47)

ББК 87.3(2)522-685

Александр Петрович Глазков

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Россия, Астрахань, e-mail: alpglazkov@yandex.ru

Значение «эсхатологического поворота» в философии В.С. Соловьёва

Аннотация. Рассматривается проблема актуальности философского наследия В.С. Соловьёва. Изучение философского наследия В.С. Соловьёва сохраняет свое значение до настоящего времени. В качестве одного из перспективных методологических подходов к исследованию творчества известного русского философа предлагается проблемный подход, позволяющий актуализировать наследие В.С. Соловьёва, особенно ту его часть, которая связана с интеллектуальной публицистикой. Анализ публицистической деятельности Владимира Соловьёва, тематика которой сохраняет актуальность и сегодня, может являться отдельным направлением исследовательской работы. Исследование этого пласта творчества русского философа позволяет понять значение его философии в публичной сфере современной России, а также проследить эволюцию его философских взглядов от «социально-политического» варианта его эсхатологической историософии к «аскетическому». В качестве причины такой перемены определяется внутренний поиск совершенства оснований собственной философии. Переход Соловьёва к аскетической эсхатологической историософии рассматривается как начало перемены базовых идей его философии: начиная свой путь с создания относительно оригинальных идей своей философии всеединства, в конечном итоге Соловьёв вступает на путь духовного воцерковления. Утверждается, что этот путь имеет свою внутреннюю закономерность и направленность, связанную, несмотря на сильное влияние гностицизма, с христианством, которое стало той внутренней силой, которая в конечном итоге «сдвинула» философское мышление Соловьёва в сторону воцерковления. Рождение философии неопатристического синтеза, которая рассматривает воцерковленность как главное условие утверждения объективных оснований для философии, рассматривается в качестве примера возможного направления движения мысли В.С. Соловьёва после «эсхатологического поворота» в его философии.

Ключевые слова: философская публицистика, российское публичное пространство, философия всеединства, эсхатологическая историософия, гностицизм, аскетизм, неопатристический синтез

Alexander Petrovich Glazkov

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Doctor of Philosophy, Associate professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Russia, Astrakhan, e-mail: alpglazkov@yandex.ru

The Meaning of the “Eschatological Turn” in the Philosophy of V.S. Solovyov

Abstract. The problem of relevance of the philosophical heritage of V.S. Solovyov is considered. The study of the philosophical heritage of V.S. Solovyov retains its significance to the present. As one of the promising methodological approaches to the study of the work of the famous Russian philosopher, a problematic approach is proposed that allows us to actualize the heritage of V.S. Solovyov, especially that part of it related to intellectual journalism. The analysis of the journalistic activity of Vladimir Solovyov, the subject of which remains relevant today, may be a separate area of research. The study of this layer of the work of the Russian philosopher makes it possible to understand the significance of his philosophy in the public sphere of modern Russia, as well as to trace the evolution of his philosophical views from the “socio-political” version of his eschatological historiosophy to the “ascetic”. The reason for this change is determined by the internal search for the perfection of the foundations of his own philosophy. Solovyov's transition to an ascetic eschatological historiosophy is considered as the beginning of a change in the basic ideas of his philosophy: starting his path with the creation of relatively original ideas of his philosophy of all-unity, ultimately Solovyov embarks on the path of spiritual churching. It is argued that this path has its own internal regularity and orientation, associated, despite the strong influence of Gnosticism, with Christianity, which became the internal force that ultimately “shifted” Solovyov's philosophical thinking towards churching. The birth of the philosophy of neopatristic synthesis, which considers churching as the main condition for the affirmation of objective foundations for philosophy, is considered as an example of a possible direction of thought of V.S. Solovyov after the “eschatological turn” in his philosophy.

Key words: philosophical journalism, Russian public space, philosophy of all-unity, eschatological historiosophy, Gnosticism, asceticism, neopatristic synthesis

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.1.006-017

Прежде всего хотелось бы выразить благодарность за приглашение высказаться на круглом столе «Актуальность наследия Вл.С. Соловьева: философия, филология, культурология (вызовы современности и возможные ответы)» по поводу значения творческого наследия В.С. Соловьева. Вопросы, которые были предложены для «круглого стола» главным редактором одного из ведущих отечественных журналов по русской философии «Соловьёвские исследования» М.В. Максимовым, являются очень своевременными и представляют большой интерес. Эти вопросы охватывают значительный круг проблем, связанных с актуальностью философского наследия В.С. Соловьева. По некоторым из них хотелось бы представить свои соображения.

В первую очередь необходимо отметить, что произведения В.С. Соловьева не утратили своей актуальности сегодня и, хотелось бы верить, не утратят ее в будущем. Жизнь и труды этого выдающегося философа, различные аспекты

его творчества, в том числе и благодаря многолетней успешной деятельности Соловьёвского семинара (г. Иваново) и журнала «Соловьёвские исследования», к настоящему времени достаточно хорошо исследованы. Однако изучение наследия В.С. Соловьёва далеко еще не исчерпано. До сих пор еще не закончено издание академического полного собрания сочинений В.С. Соловьёва, которое содержало бы все наследие русского философа, включая его опубликованные и неопубликованные работы, а также письма, черновики, наброски, архивные материалы. Творчество этого замечательного русского философа настолько масштабно, многогранно и глубоко, что, несмотря на большое количество защищенных диссертаций, публикацию огромного количества статей, докладов, монографий, остается еще множество вопросов и проблем, которые ждут своих исследователей. В этой связи мне хотелось бы остановиться на некоторых моментах деятельности этого выдающегося русского философа, которые имеют отношение к значению опыта его философствования.

Безусловно, существует историко-философский аспект изучения трудов В.С. Соловьёва, но отдельный интерес представляет вопрос актуальности его философских ответов на проблемы, которые он поднимал в своем творчестве, актуальности его опыта мысли. Проблемный подход, который предполагает исследование истории философии «в ее полноте через проблемы, которые были поставлены философиями, и возможные и действительные решения этих проблем»¹, в своем применении к творчеству русского философа имеет очень хорошую перспективу. В.С. Соловьёв как создатель школы «философии всеединства» принадлежит истории русской философии, но проблемный подход к изучению его философии и вообще всей русской философии позволяет весь этот историко-философский материал привлечь для понимания современных событий, что, в свою очередь, помогает лучше осознать его значение. Как справедливо замечают М.Н. Вольф и И.В. Берестов, «если некто, создав философскую систему, сохранил свое имя в веках и остался актуален для целой плеяды потомков, это означает только одно – он действительно нащупал значимый ответ на некоторый весьма важный философский вопрос, и ответ этот по разным причинам мог показаться неудовлетворительным как спустя века, так и ряду современников. Иными словами, его система имела определенное философское содержание и в явном виде содержала решение некоторой проблемы, и автор этой системы является подлинным философом, а не коллекционером мнимых парадоксов» [1, с. 206].

Философское творчество Владимира Соловьёва способствовало росту авторитета философского знания в России. Во многом благодаря В.С. Соловьёву русская философия вышла на новый уровень своего развития, стала профессиональной деятельностью. В интеллектуальную историю России философ вошел

¹ См.: Вольф М.Н., Берестов И.В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // СХОАН. 2007. Vol. I.2. С. 206 [1].

как один из активных ее участников, выступающий с идеями, которые имели широкий отклик, вызывали полемику среди современников и не утратили своей значимости и сегодня. Философское образование В.С. Соловьева было европейским, однако проблематика его публицистики была российской. В.С. Соловьев и другие участники российской интеллектуальной жизни второй половины XIX века, с которыми вступал в диалог русский философ, фактически создавали новую идентичность России. Этот процесс создания новой российской идентичности, можно сказать, не закончен и в настоящее время, поэтому актуальность идей философа, которые задавали повестку дискуссий того времени, сохраняется и сегодня. Владимир Соловьев принадлежит вполне определенной исторической эпохе 70–90-х годов XIX века, вместе с тем его идеи выходят далеко за ее пределы. Знаменитый русский философ становится современником всех последующих дискуссий по тематике поставленных им вопросов, его мнение учитывается и до сих пор вызывает самый живой интерес.

Публицистическое наследие философа В.С. Соловьева – это огромная и перспективная тема научных исследований. Владимир Соловьев был одним из тех, кто создавал интеллектуальную публицистику, в полной мере используя для этого дела возможности, которые давало философское знание. Русская философия активно откликалась на события, которыми была насыщена русская жизнь во второй половине XIX – начале XX в. Феномен российской интеллектуальной публицистики этой эпохи, в которой В.С. Соловьев играл не последнюю роль, затрагивает очень важный вопрос о выяснении характера влияния философии на общественную публичную сферу-пространство. У философии есть свое предназначение в формировании этого пространства. Использование в нем философского знания влияет на глубину публицистической аналитики и объективность ее выводов. Именно философия задает те рамки, которые формируют глубину теоретического уровня, необходимого для успешного функционирования публицистики. Раскрывая суть категорий, ключевых понятий аналитики, она создает своего рода идеальную оптику, горизонт понимания смыслов, в рамках которого начинают проявляться конкретные события политики, социальной жизни, культуры. Представляется, что во второй половине XIX и начале XX века был достигнут в целом очень высокий уровень публицистики как раз за счет того, что виднейшие русские философы того времени были активными ее участниками, откликались на злобу дня, высказываясь о внутренней и внешней ситуации в стране.

В.С. Соловьев в своей публицистической деятельности пытался объяснять вопросы, которые затрагивают существенные стороны жизни, имеющие не преходящий, а онтологический характер. Опорой ему в рассуждениях была его тщательно продуманная философская система, которая получила название философии всеединства. Она побуждала русского философа ставить определенные вопросы перед российским обществом, в ее рамках формировались критерии оценки событий эпохи. Изучение опыта философствования В.С. Соловьева в публичном про-

странстве позволяет осознать роль философии в функционировании этого пространства. Благодаря своему основательному философскому образованию русский мыслитель поднимал на достаточно высокий уровень обсуждение проблем, которые имеют непреходящее значение. На злобу дня может высказываться, образно говоря, каждый, но есть важные для общества вопросы, постановка которых и, соответственно, квалифицированный ответ на них может дать только философски образованный человек. В.С. Соловьев пытался решать именно такого рода проблемы. Так, например, за поставленным им вопросом о русской идее стояла проблема российской идентичности, российского самосознания, за вопросом воссоединения церквей – проблема осуществления внутреннего и внешнего христианского единства. Для постановки и решения такого рода проблем требуется определенный багаж философских знаний.

Изучение опыта интеллектуальной публицистики Соловьева важно не только для того, чтобы привлечь теоретические идеи русского философа для понимания современных событий. Все-таки В.С. Соловьев, как заметил Б.В. Межуев, «оказался удивительно слеп к историческим тенденциям, породившим век XX»². Представляет интерес сама борьба идей, их влияние, отталкивание, формирование направлений публицистики. В.С. Соловьев не принадлежал к какой-либо идеологической «партии», «он оказывался чужим для всех лагерей русской политической мысли»³. Это положение в публичном пространстве В.С. Соловьева, возвышающегося над различными направлениями, говорит как раз о той необходимой и важной роли философии в этом публичном пространстве – быть выше идеологического субъективизма «партий» и подчеркивать тем самым значение объективной истины. Другое дело, что Соловьев мог и ошибаться, но в этих своих ошибках он никогда не противоречил своим философским принципам. К вопросу о войне он подходил философски и опирался на те теоретические основания, которые давала ему его философия всеединства, – в них не было идеологической предвзятости, чувственно-эмоциональной составляющей. Его выводы были предельно ясны и с точки зрения его философии продуманы, объективны и, соответственно, в рамках его системы всеединства правильны. Проблема, которая здесь вырисовывается, имеет по сути метафизический характер и касается истинности принципиальных оснований самой «философии всеединства» и ее религиозных базовых идей. Софиология Соловьева (пусть высказываемое здесь мнение будет выглядеть небесспорным) является, пожалуй, слабым местом философии всеединства. Гностически окрашенная идея Софии, как она присутствует в религиозно-философских взглядах В.С. Соловьева, является его субъективным видением, и

² См.: Межуев Б.В. «Он видел особую миссию русского народа». Почему философ Владимир Соловьев считал, что Россия объединит все человечество? Интервью // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 15 [2].

³ См.: Межуев Б.В. Первое издание «Оправдание добра» (1897 г.): отклики современников. Ч. 1 // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 1(73). С. 10 [3].

сама эта идея далека от идеального совершенства как критерия объективности собственно философских оснований. Русский философ в течение практически всей своей жизни сохранял гностическую составляющую своей философии всеединства, прикрывая ее своими метафизическими построениями. Как отмечает А.П. Козырев, «чем дальше уходит Соловьев от 1875–1876 гг., тем более его теория приобретает абстрактно-философский характер, а очевидные гностические аллюзии скрываются нейтральным философским понятийным аппаратом» [4, с. 100].

«Внепартийность» В.С. Соловьева – это позиция, которая должна быть у философа как служителя объективной истины. Отсюда критический настрой, присущий философии в публичном пространстве, который демонстрировал русский мыслитель. Однако сама эта истина, как мы знаем, может пониматься и представляться в философии по-разному. В этом вопросе об истинности оснований многое держится на интуитивном предположении, вере. В этой связи для понимания актуальности философского опыта Владимира Соловьева приобретает особое значение исследование эволюции его взглядов.

Поиск истинного совершенства, если так можно выразиться, собственных идеалов, думается, был присущ В.С. Соловьеву. Духовное по своей сути движение мысли к поиску совершенства собственных идеалов с необходимостью начинает концентрироваться на проблематике нравственных вопросов и, соответственно, этических категорий. Можно предположить, что духовное развитие Владимира Соловьева привело в конце его земной жизни к перемене понимания истории, которое стало, по выражению К.В. Мочульского, «уже более не утопично, а эсхатологично»⁴. Этот поворот замечен в последних его трудах, и особенно в его работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории».

Изменение взглядов В.С. Соловьева, которое было обозначено К.В. Мочульским как переход к эсхатологическому пониманию истории, представляет отдельную область исследований наследия русского философа. Представление об изменении историософских взглядов Соловьева в последние годы его жизни, является темой непростой, дискуссионной, имеющей длительную полемическую традицию.

Отметим в этой связи концепцию «условной», или «открытой», эсхатологии», подчеркивающую целостность и единство взглядов Владимира Соловьева, органично и не противоречиво включающую в себя и идею достижения теократического идеала, и апокалиптическое развертывание исторических событий «Трех разговоров». Как пишет М.В. Максимов, «в достижении свободной теократии Вл. Соловьев видел и общественный идеал, и цель исторического процесса. В сочинениях и “раннего”, и “позднего” Соловьева исторический процесс человечества рассматривается через призму реализации в нем теокра-

⁴ См.: Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Вл. Соловьев: Pro et contra. Антология. В 2 т. Т. 1. СПб.: РХГА, 2000. С. 800 [5].

тической идеи» [6, с. 167]. Речь идет о различных вариантах воплощения этой основополагающей идеи философии всеединства. Воцарение Иисуса Христа на тысячу лет в его «Краткой повести об антихристе» – это тоже по своей сущности теократия, причем идеальная. А.Г. Гачева отмечает, что «в “Трех разговорах” представлены не один, а два эсхатологических историософских сценария, два варианта движения истории к “новому небу и новой земле”. Первый предполагает «органический рост и совершенствование целого человека, ... народа и человечества» (он раскрыт в речах г-на Z), второй сопряжен с нестроениями и катастрофами внутри исторического процесса, со все большей поляризацией сил добра и зла, разрешающейся явлением Антихриста и конечной схваткой слуг сатаны с чадами Божиими» [7, с. 305–306]. С этой точки зрения финал истории является открытым и его сюжет не предопределен заранее. Развертывание исторических событий, в том числе и эсхатологического характера, зависит от самого человека, его свободы. Выбор остается за человеком. Как пишет Р.А. Гальцева, «соловьёвский отклик на откровение о Царстве Божьем можно было бы назвать также эсхатологией условной, или открытой, ибо принципиально она зависит от человеческих усилий, но, будучи грандиозной целью, она никогда не теряет смысла в качестве импульса и средства. От нас зависит мера ее воплощения; и всякая мера будет благом» [8, с. 449]. Другое дело, что человек, судя по историческим событиям, избирает катастрофический вариант завершения истории человечества. Вместе с тем необходимо признать, что человек обладает свободой воли и пока история не завершилась, итоговые предсказания о конце истории будут оставаться только нашими предположениями.

Конечно, надо различать апокалиптику и эсхатологию, это не одно и то же. Идея условной эсхатологии позволяет более детально прояснить это различие в историософской мысли Владимира Соловьёва. Оно является принципиально важным, так как отражает при всей его относительности поворот в мышлении русского философа, во всяком случае это заметно в расстановке акцентов. Акценты смещаются с социально-политического исторического аспекта эсхатологии к личностно-аскетическому. Это «смещение акцентов» предполагает, если так можно выразиться, «индивидуализацию спасения» перед лицом грядущих испытаний. Согласно мысли Соловьёва, не все окажутся на высоте своего духа, многие будут соблазнены риторикой антихриста. Чтобы спастись, потребуется внутренняя, духовная, а не внешняя, социальная воцерковленность. Во всяком случае, и для первого, эсхатологического историософского сценария, назовем его «некатастрофическим», требуется духовное воцерковление человечества «под знаменем Христа, когда религиозизируются все сферы человеческой жизни, в том числе общество и государство, и всецелое человечество обращается во вселенскую Церковь»⁵. Это вариант воцерковления челове-

⁵ См.: Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...»: Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. С. 306.

чества становится реальным в случае, если воля людей свободно и без принуждения склонится к нему, и тогда возможен неапокалиптический переход человечества к Царству Божьему.

Надо сказать, что некатастрофическая версия эсхатологии, в общем, не противоречит смыслу Священного Писания. Так, один из известных церковных писателей XVIII века архиепископ Никифор Феотокис указывал в своем труде «Толкование Воскресных Апостолов с нравоучительными беседами», что в Деяниях Апостолов (Деян.4:32-35) описывается время, когда человечество как никогда в своей истории было близко к обретению Царства Божия. Это время, которое наступило сразу после сошествия Святого Духа на учеников Иисуса Христа⁶. Такая возможность могла реализоваться через людей, которые смогли благодаря Святому Духу подняться до такой степени совершенства, что Царство Божие стало видимым в них самих, в их личностных качествах и делах. С этой точки зрения установление Царства Божьего на Земле – не закономерность социально-политического развития, а результат свободного волеизъявления людей, предполагающий аскетическое личностное совершенствование. При этом необходимо учитывать и то, что Царство Божие на Земле, которое даже если бы оно было установлено на Земле единомыслием верующих, не является конечной целью исторического Промысла Бога. Это, скорее всего, достижение возможности некатастрофического завершения истории, перехода-трансформации мира, его безболезненного перетворения во время Второго Пришествия Христа и Страшного Суда. Установление Царства Божьего на земле при всех возможных вариантах и обстоятельствах предусматривает еще один важный и ключевой момент – это Воскресение мертвых. Наступившее другое время, то есть время всесовершенства, предполагает и участие всех достигших праведности в жительстве в этом Царстве. До этого момента, до момента окончательного Суда, смерть, которая является следствием несовершенства, будет присутствовать на земле. Вторым Пришествием Христа и Страшным Судом история этого мира закончится и начнется новое бытие и новые времена, когда смерти уже не будет. После первого явления Христа, Его смерти и Воскресения возможность онтологической перемены, которая открывает для человека в отдельности и человечества в целом ворота в Царствие Небесное, становится действенной только после свободного выбора, основанного на вере в это спасение. Таким образом, получается, что всеобщее следование добродетели обуславливает некатастрофический вариант установления Царства Божия. Как вариант он онтологически возможен и был бы, конечно, предпочтителен. Условием реализации этого варианта является аскетическое изменение самого человека, он должен стать добродетельным в поступках и мыслях. Важно добавить, что это же аскетическое изменение человека обеспечивает его личное спасение и в случае реализации апокалиптического сценария эсхатологии.

⁶ См.: Феотоки Никифор. Толкование Воскресных Апостолов с нравоучительными беседами. М., 1854. Т. 1. С. 296–297 [9].

«Эсхатологический поворот» Владимира Соловьёва, о котором идет речь, означает, на наш взгляд, если продумать его идеи дальше в определенном направлении, выдвижение на последнем этапе его творчества на первый план необходимость духовного изменения человека, достигаемого аскетическим способом. Его «Краткая повесть об антихристе», которая воспринимается как «пессимистический сценарий», говорит о небольшом количестве людей, которые сохранили нравственную чистоту и верность Церкви, среди которых он, скорее всего, мыслил и самого себя.

Изменение взглядов, пусть даже выраженное еще только в смене версий или сценариев развития мировой истории, когда Соловьёв нашел «чисто умозрительные основания предпочесть “пессимистический” сценарий “оптимистическому”»⁷, проявилось в конце его жизненного пути. Это движение мысли было результатом, скорее всего, внутренней духовной работы русского философа, которая в предчувствии конца собственной жизни приобрела особый настрой. Эта перемена, которая только начинала совершаться, еще не привела его к отказу от своих прежних философских убеждений, но, думается, сдвиг внутри оснований его системы всеединства уже начал происходить. К сожалению, в связи с ранней кончиной выдающегося русского философа, мы не можем сказать, чем бы это движение в конечном итоге завершилось, но само то, что такое движение началось, можно определенно утверждать, и «Три разговора» показывают направление этого пути, его вектор – к аскетической эсхатологии.

Настоящий мыслитель – это тот, кто не упорствует в своем самомнении, а подчиняет свое «я» поиску совершенства, которое заключено для него в понятии истины, и, следуя этому движению, он отказывается от своего первоначального мнения в пользу объективного понимания. Как мы думаем, начавшийся переход В.С. Соловьёва к аскетической по духу эсхатологической историософии стал менять его оптику, ракурс, перспективу и логику понимания мировых событий. Соловьёв, на наш взгляд, демонстрирует эту перемену в развитии своей философии, пусть и на начальной ее стадии. Поиск истинного идеала в религиозно-христианском своем аспекте неизбежно ведет к аскетической эсхатологии, потому что, как пишет сам В.С. Соловьёв в рецензии на книгу Евгения Трубецкого «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI-м веке. – Идея Божеского царства в творениях Григория VII-го и публицистов его современников», опубликованной в 1897 году, «...по вере христианской истинный порядок жизни, или то ее устройство, которое безусловно должно быть, находится именно лишь за пределами земного существования» [11, с. 256]. Последовательное продумывание христианской эсхатологии подводит к необходимости аскетического дела нравственного совершенствования как личной подготовке к завершению времен. Духовное развитие с необходимостью связано с осмыслением нрав-

⁷ См.: Межуев Б.В. «Перемена в душевном настроении» Вл. Соловьёва 1890-х годов в контексте его эсхатологических воззрений // Эсхатологический сборник / отв. ред. Д.А. Андреев, А.И. Неклесса, В.Б. Прозоров. СПб.: Алетейя, 2006. С. 271 [10].

ственных вопросов. Если брать религиозную сторону изменения философских взглядов В.С. Соловьева, то это изменение можно рассматривать, образно говоря, как начало пути к воцерковлению его философского разума. Воцерковлению не в том внешнем смысле, которое рисовалось ему в теократической утопии, а во «внутреннем», православно-церковном.

Соловьев начинал творческий путь создания оригинальных начал своей философии всеединства, опираясь на интуиции гностицизма. В конце этого пути, как мы можем предположить, он стал отходить от этих принципов. Мы видим подобный путь от философии всеединства к воцерковлению и у некоторых русских религиозных философов первой половины XX века, таких, например, как В.В. Зеньковский и Г.В. Флоровский, которые были в числе тех, кто создавал философию неопатристического синтеза. Как заметил еще в 1925 году Г.В. Флоровский, «Соловьеву мы многим обязаны: и все слабости и соблазны не должны заслонять его праведного дела, его религиозного служения» [12, с. 347]. Согласно точке зрения В.В. Зеньковского, «...Соловьев наиболее будет оценен не теми, кто просто повторяет или комментирует учение Соловьева, а теми, кто уходит от Соловьева вперед, кто, разделяя его замыслы, прокладывает новые пути для их разработки» [12, с. 228–257]. Опыт мысли В.С. Соловьева подсказывает направление этого пути вперед.

Путь Владимира Соловьева – это путь интеллигента от увлечения атеизмом к воцерковлению, точнее – к восстановлению собственного еще детского воцерковления только уже на определенном уровне своего духовного развития. Путь этот непростой, но, если так можно сказать, типичный для многих представителей интеллигенции второй половины XIX и XX вв. Для многих из них началом такого пути стала философия всеединства В.С. Соловьева, и очень важно, по мысли В.В. Зеньковского, не забывать, что «его построения как раз и помогают нам пойти дальше того, что было у Соловьева»⁸. Соловьев, как замечает Г.В. Флоровский, «многих из нас пробудил от догматического сна», «учил нас религиозной ответственности философского делания», «помог в трудном подвиге церковного самосознания и самоопределения»⁹.

В завершении рассуждения об актуальности наследия Владимира Соловьева можно еще раз отметить, что исходная интуиция В.С. Соловьева все же была связана с христианством, пусть и понимаемого по-своему, субъективно, гностично. Сам он пишет: «Оправдать веру наших отцов, возведя ее на новую ступень разумного сознания; показать, как эта древняя вера, освобожденная от оков местного обособления и народного самолюбия, совпадает с вечной и все-ленской истиной – вот общая задача моего труда» [14, с. 243]. В конечном итоге это исходное глубинное сознание своей миссии все же развернуло философское мышление Владимира Соловьева в конце его жизненного пути в сторону

⁸ См.: Зеньковский В.В. Идея всеединства в философии Владимира Соловьева // Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М.: Русский путь, 2008. С. 228–257.

⁹ См.: Флоровский Г.В. Творческий путь Владимира Соловьева. Публичная лекция // Историко-философский ежегодник. М.: Акилон, 2015. С. 327–349 [13].

воцерковления. Русский философ, как мы можем предположить, вступил на путь, который вел его от внешне понимаемого всеединства, неизбежно предполагающего создание утопий, к внутреннему всеединству, соединению с Богом по благодати, требующему изменения своего образа жизни и совершенствования собственных нравственных качеств. В этом, может быть, заключается самый важный урок, который можно извлечь из опыта «эсхатологического поворота» в истории философской мысли В.С. Соловьева.

Список литературы

1. Вольф М.Н., Берестов И.В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // СХОЛН. 2007. Vol. I.2. С. 203–246.
2. Межуев Б.В. «Он видел особую миссию русского народа». Почему философ Владимир Соловьев считал, что Россия объединит все человечество? Интервью // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 7–19.
3. Межуев Б.В. Первое издание «Оправдание добра» (1897 г.): отклики современников. Ч. 1 // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 1(73). С. 6–25.
4. Козырев А.П. Соловьев и гностики. М.: Издатель Савин С.А., 2007. 544 с.
5. Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Вл. Соловьев: Pro et contra. Антология. В 2 т. Т. 1. СПб.: РХГА, 2000. С. 556–829.
6. Максимов М.В. Теократическое учение Вл. Соловьева: оценки и интерпретации // Соловьёвские исследования. 2004. Вып. 8. С. 150–172.
7. Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...»: Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. 734 с.
8. Гальцева Р.А. Конкретная эсхатология Владимира Соловьева // Соловьёвский сборник: материалы междунар. конф. «В.С. Соловьев и его философское наследие». Москва, 28–30 августа 2000 г. М.: Изд-во «Феноменология – Герменевтика», 2001. С. 442–450.
9. Феотоки Никифор. Толкование Воскресных Апостолов с нравоучительными беседами. Т. 1. М.: Синодальная типография, 1854. 579 с.
10. Межуев Б.В. «Перемена в душевном настроении» Вл. Соловьева 1890-х годов в контексте его эсхатологических воззрений // Эсхатологический сборник / отв. ред. Д.А. Андреев, А.И. Неклесса, В.Б. Прозоров. СПб.: Алетейя, 2006. С. 258–272.
11. Котрелев Н.В. Эсхатология у Владимира Соловьева (к истории «Трех разговоров») // Эсхатологический сборник / отв. ред. Д.А. Андреев, А.И. Неклесса, В.Б. Прозоров. СПб.: Алетейя, 2006. С. 238–257.
12. Зеньковский В.В. Идея всеединства в философии Владимира Соловьева // Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: Русский путь, 2008. С. 228–257.
13. Флоровский Г.В. Творческий путь Владимира Соловьева // Историко-философский ежегодник. М.: Акилон, 2015. С. 327–349.
14. Соловьев В.С. История и будущность теократии // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. 2-е изд. СПб., 1914. С. 243–639.

References

(Sources)

Collected Works

1. Nikifor Feotoki. *Tolkovanie Voskresnykh Apostolov s nravouchitel'nyimi besedami. T. 1* [Commentaries on the Sunday Apostles with moral Homilies. Vol. 1]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1854. 579 p.

2. Solov'ev, V.S. Istoriya i budushchnost' teokratii [The history and the future of the theocracy], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 4* [Collected Works in 10 vols., vol. 4]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie, 1914, pp. 243–639.

3. Zen'kovskiy, V.V. Ideya vseedinstva v filosofii Vladimira Solov'eva [The idea of all-unity in the philosophy of Vladimir Solovyov], in *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Russkiy put', 2008, pp. 228–257.

Individual Works

4. Florovskiy, G.V. Tvorcheskii put' Vladimira Solov'eva [The Creative Path of Vladimir Solovyov], in *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik*. Moscow: Akvilon, 2015, pp. 327–349.

(Articles from Scientific Journals)

5. Maksimov, M.V. Teokraticheskoe uchenie Vl. Solov'eva: otsenki i interpretatsii [V. Solovyov's theocratic teaching: assessments and interpretations], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2004, issue 8, pp. 150–172.

6. Mezhuev, B.V. «On videl osobuyu missiyu russkogo naroda». Pochemu filosof Vladimir Solov'ev schital, chto Rossiya ob"edinit vse chelovechestvo? Interv'yū [“He saw the special mission of Russian people”. Why did Vladimir Solov'ev believe that Russia would unite all the mankind?], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 1(81), pp. 7–19.

7. Mezhuev, B.V. Pervoe izdanie «Opravdanie dobra» (1897 g.): otkliki sovremennikov. Ch. 1 [The First Edition of “The Justification of Good” (1897): the Responses by Contemporaries. Part 1], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2022, issue 1(73), pp. 6–25.

8. Vol'f, M.N., Berestov, I.V. Problemnyy podkhod k issledovaniyu drevnegrecheskoy filosofii [A problematic approach to the study of Ancient Greek philosophy], in *ΣΧΟΛΗ*, 2007, vol. I.2, pp. 203–246.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

9. Gal'tseva, R.A. Konkretnaya eskhatologiya Vladimira Solov'eva [The concrete eschatology of Vladimir Solovyov], in *Solov'evskiy sbornik. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «V.S. Solov'ev i ego filosofskoe nasledie». Moskva. 28–30 avgusta 2000 g.* [Solovyov collection. Proceedings of the international conference “V. S. Solovyov and his philosophical legacy”. Moscow. August 28–30, 2000]. Moscow: Izdatel'stvo «Fenomenologiya – Germenevtika», 2001, pp. 442–450.

10. Kotrelev, N.V. Eskhatologiya u Vladimira Solov'eva (K istorii «Treh razgovorov») [V.S. Solov'yov's Eschatology (on the History of “Three Meetings”)], in *Eskhatologicheskii sbornik*. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2006, pp. 238–257.

11. Mezhuev, B.V. «Peremena v dushevnom nastroyenii» Vl. Solov'eva 1890-kh godov v kontekste ego eskhatologicheskikh vozzreniy [V.S. Solov'yov's “Change of Mood” in 1890 in the Context of His Eschatological Ideas], in *Eskhatologicheskii sbornik*. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2006, pp. 258–272.

12. Mochul'skiy, K.V. Vladimir Solov'ev. Zhizn' i uchenie [Vladimir Solovyov: His Life and Teaching], in *Vl. Solov'ev: Pro et contra. Antologiya. V 2 t., t. 1* [Vl. Solovyov: Pro et contra. Anthology. In 2 vols., vol. 1]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2000, pp. 556–829.

(Monographs)

13. Gacheva, A.G. «Ideal ved' tozhe deystvitel'nost'...»: Russkaya filosofiya i literatura [“The ideal is also reality...”: Russian Philosophy and Literature]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2019. 734 p.

14. Kozyrev, A.P. *Solov'ev i gnostiki* [Solovyov and the Gnostics]. Moscow: Izdatel' Savin S.A., 2007. 544 p.